

Глава 1

АНАТОМ И КОМПОЗИТОР

— Девки-то мои совсем с ума свихнулись.

Бургомистр Говард потянулся к аппетитно запотевшему графинчику перцовой водки и с удовольствием наполнил рюмки. Август Вернон, который откинулся в кресле, отдыхая после сытного второго блюда, одобрительно качнул головой. Перцовка бургомистра была такой, что душу за нее заложишь.

Они приятельствовали много лет — их дружба зародилась почти сразу же, как только Августа сослали в эти угрюмые северные края. Казалось бы, что общего может быть у ссыльного революционера и бургомистра? Если бы Августу сказали, что однажды он, вольнодумец и бунтарь, подружится с чиновником, которому по должности положено быть верным псом короны, то он бы только покрутил пальцем у виска.

А вот ведь, подружились. Обедают вместе, водочку пьют. Вот что делает с людьми провинциальная скука. Сводит и соединяет тех, у кого вроде бы нет ничего общего.

— С чего бы? — любопытствовал Август. Говард устало вздохнул.

— Ну, я же тебе рассказывал. В наши края приезжает Эрик Штольц.

— О да! — воскликнул Август. — Девушки на него падки, я слышал. Надеются, что он поиграет с ними так же, как на своем рояле. Умелые пальцы — это профессиональное.

Говард покосился на него с неудовольствием.

— Я ему, знаешь ли, все пальцы тогда переломаю, если что случится. И засуну, куда солнышко не смотрит, — хмуро пообещал он и тотчас же добавил с искренним уважением: — Виртуоз! Гений, какого не знавал белый свет! И в нашем захолустье, представляешь?

Август представлял. Эверфорт был типичным провинциальным городком: медведь на гербе, медведи иногда заходят в город из лесов, и люди тоже похожи на медведей. Он понимал, почему бургомистр поспешил завести дружбу с каторжником: Август повидал свет и людей, многое знал и мог развеять ту скуку, которая, кажется, тут пластами лежала.

Эрик Штольц был великим музыкантом и композитором. Молодой, чуть старше двадцати, он произвел фурор во всех странах. Гениальная игра на рояле, невероятная по красоте и силе музыка, признание слушателей и искренняя любовь во всех слоях общества, от коронованных особ до простолюдинов — и теперь такой человек едет в Эверфорт. Не просто ради концерта, а жить.

Чудны дела Господни. Или гений просто с жиру бесится?

— И девки мои чокнулись на радостях, — продолжал бургомистр, накладывая на тарелку Августа белые и розовые пласты соленой рыбы. Он не признавал быстрого завершения обеда: есть следовало так, чтоб потом не мочь шевельнуться и дышать через раз. — Гоняют модисток, заказали новые платья, весь дом пропах какой-то дрянью для волос. Не дом стал, а модная лавка, прости Господи! Надеются, что он их увидит, таких красавиц. И не ослепнет от ихней прелести. А как их, спрашивается, не увидеть, мы в первом ряду сидим.

Насчет красоты своих дочерей Говард не обольщался: все три девицы пошли в папашу и были похожи на молодых медведиц. Круглые лица, словно нарисованные по циркулю, крепкий таз, ноги-колонны и гренадерский рост — единственным привлекательным в девушках были густые русые волосы до колен. Самый «соблазн» для столичного виртуоза, к которому, по слухам, принцессы и герцогини становились в очередь и оставались довольны.

— Да, у него много поклонниц, — уклончиво ответил Август. — Я слышал, ему одна даже бросила панталоны на сцену. Охрана потом ее еле оттащила, так и прыгала.

Говард охнул и закрыл лицо ладонями, покачивая головой от бесстыжести современных нравов. Да, столичное обращение было ему в новинку. Как говаривал один из водевильных героев: «Деревня, не поймет-с»!

— Если мои что-то такое отчебучат, поубиваю, — сурово пообещал бургомистр и реши-

тельно опрокинул стопку. — Ты подумай только, спят с его дагерротипами! Купили в книжном, в рамочку — и под подушечку. Все трое. Говорю же, свихнулись. Говорю им: вы на себя-то посмотрите, дуры! Куда вам с вашими физиономиями до столичной особы! До такой особы! Да он принцессами и королевнами не соблазнился, а на вас прямо бросится!

Да, Говард всеми силами развивал в своих детях критическое мышление, правда, Август имел основания полагать, что это должно работать как-то иначе.

— Так что жду концерта, — вздохнул Говард и с каким-то детским мечтательным теплом добавил: — Надо же, такой человек и в нашем медвежьем углу! Прямо не верится, что увижу.

Август понимающе кивнул. Бургомистр был человеком очень простым, практически примитивным, но перед наукой и культурой испытывал чуть ли не религиозное уважение и трепет. Именно его стараниями в Эверфорте возникли две школы, библиотека и колледж богословия, да и книжный магазин в центре города не пустовал — еще одна причина, по которой Август относился к своему другу с искренним теплом.

— Такие, как он, не видят ничего, кроме рояля, — заверил его Август. — Все наше земное копошение им так — тьфу.

Говард недоверчиво посмотрел на него и заинтересовался:

— Что, даже насчет водочки ни-ни? Ни раза, ни полраза? Только музыка?

Август ухмыльнулся. Профессиональная возня с человеческой подноготной в прямом смысле слова сделала его циником и дрянью.

— Ну, ты на святое-то не покушайся, — хмыкнул он. — Водочку люди культуры очень уважают. Вскрывал я как-то одного поэта — так там печень была больше медвежьей. А ведь как писал, как писал! Ему тоже панталоны бросали, когда он выступал.

— Вот и слава богу, — вздохнул Говард с видимым облегчением и спросил: — А тебя, я вижу, музыка не сильно привлекает?

Август неопределенно пожал плечами.

— Два года назад, — сказал он, — в столице одна девушка убила и расчленила своих родителей. Сама — в бега. За то, что они запретили ей музицировать и велели не маяться дурью, а выходить замуж. Вот такая музыка мне интересна. Вернее, что творится в голове у таких музыкантов.

Говард развел руками.

— А может, это не она убила? — предположил он и, пожившись, признался: — Я вот не представляю, как можно мамку с батькой убить да потом на куски крошить. А тут еще и девушка... Может, кто другой убил, а на нее свалили?

Август усмехнулся. Его друг стремился видеть в людях только хорошее — поэтому они и подружились. Мало кто мог разглядеть человека в ссыльном каторжнике, а вот Говард разглядел и не пожалел об этом.

— Свидетели говорят, они каждый день скандалили. И однажды она сказала, что поубивала бы их всех за музыку.

Говард отмахнулся.

— Да ну. Мало ли что в скандале-то скажешь? Моя-то вон, бывает, кричит, что всю шерсть мне повырывает, ну и что? Тридцать лет живем, как голуби. А двоих взрослых убить — тут все-таки мужская сила нужна, я полагаю. Лепят девке убийство, да может, ее самой в живых уже нет.

Август усмехнулся.

— В общем, вот она, сфера моих интересов. Это захватывает намного сильнее музыки.

Говард посмотрел на него с каким-то отцовским пониманием. Дескать, ну такой вот сын уродился, ничего не поделаешь уже. Будем жить с тем, что есть.

— Но на концерт его ты придешь? — спросил он. — Завтра, помнишь?

— Приду, — ответил Август. — Скуку надо как-то убивать, а это отличное оружие.

Он не стал рассказывать бургомистру о том, что девушка, убившая родителей за музыку, была родной сестрой великого Эрика Штольца. Скандал вышел страшный, его замяли только при участии высоких особ и больших денег, так что не стоило раздувать все это заново.

Штолец приехал в Эверфорт вечером следующего дня: поезд сделал вынужденную остановку в пути, и звезда отправилась в музыкальный зал при библиотеке прямо с вокзала. Здесь столпилась чуть ли не весь город. Даже те, кому сроду не было дела до музыки, пришли посмотреть на человека, которого обожал весь мир. Все подходы к библиотеке были запружены народом, и Август

подумал, что никогда не видел столько красивых девушек сразу. Девицы штурмовали двери, и от их восторженных улыбок, духов и цветов, столь редких на севере среди зимы, начинала кружиться голова. Кто-то экзальтированно готовился упасть в обморок, а семеро полицейских — все отделение Эверфорта, понятия не имели, как им следить за порядком. Во всяком случае, вид у них был весьма оторопелый.

В фойе развернулась бойкая торговля дагерротипами и открытками, и девицы радостно открывали кошельки и вынимали монеты, чтоб потом класть под подушку портрет своего кумира с автографом. Август поднялся по лестнице к музыкальному залу, мельком посмотрел на себя в высокое мутное зеркало в тяжелой бронзовой раме и вспомнил, что в последний раз был на таком концерте еще в столице, до восстания и своей ссылки. Господи, сколько же лет назад это было? Тогда он был преуспевающим доктором, тогда он был молод, энергичен и верил в то, что может сделать мир счастливым и свободным. Стоит только протянуть руку и шагнуть вперед — и все получится. У тебя будет все, о чем ты мечтаешь.

Теперь ему тридцать восемь, он живет в глухомани, ни о чем не мечтает, и спина, когда-то исхлестанная шпицрутенами, болит в непогоду. Девушка, в которую Август был влюблен, оставила его сразу же после поражения мятежников, не желая иметь ничего общего с врагами государства — с тех пор он не любил. Походов в «Зеленый огонек» два раза в неделю было вполне до-

статочно для плоти, а свою душу он давно считал мертвой. Август усмехнулся своему отражению и прошел в зал.

У него было место во втором ряду. Устроившись в кресле, Август посмотрел по сторонам и пожалел о фляге с ромом, оставленной во внутреннем кармане пальто. Семейство бургомистра с шумом размещалось в первом ряду: Говард вчитывался в программу концерта на плотном белоснежном листе, почесывая проплешины и качая головой; госпожа Хелен, мать семейства, никак не могла устроиться в кресле так, чтоб не мять платье; три девицы-грации восторженно щебетали, едва не падая в обморок от предвкушения, а их братья выглядели важными и хмурыми, осознавая всю ценность события.

От запаха цветов и духов у Августа начала кружиться голова. Он откинулся на спинку своего кресла и устало прикрыл глаза. Возможно, стоило остаться дома или пойти в «Зеленый огонек». Хотя... Он обернулся на галерку: все работницы борделя были здесь, толпились разноцветной стайкой райских птичек — разодетые по последней моде, причесанные и с фальшивыми бриллиантами на шеях и пальцах. Хозяйка «Огонька» либо радела за культуру, либо показала товар лицом для столичной штучки.

«На что ему твои шлюхи, — мрачно подумал Август, глядя, как госпожа Аверн обмахивается веером, бросая оценивающие взгляды на своих пташек и кокетливые — на господ. — Он едва не женился на принцессе Кэтрин».

Откуда-то послышался тонкий звук — словно звякнул и умолк колокольчик. В зале тотчас же воцарилась торжественная тишина — у Августа мелькнула неуместная мысль, что зал сделался похожим на склеп. Даже бургомистровы дочери-медведицы прекратили возню.

Штольц вышел к роялю быстрым энергичным шагом, почти бегом. Чуть выше среднего роста, очень стройный, с кудрявыми каштановыми волосами до плеч, он показался Августу кем-то вроде сказочного эльфа. Зал дружно ахнул, а затем разразился такими аплодисментами, что у Августа заложило уши. Он недовольно сморщился и снова вспомнил о своей фляге — в такие-то моменты она и нужна.

Поклонившись, Штольц сел на рояль и, опустив пальцы на клавиши, несколько мгновений сидел просто так, словно пытался понять, куда это его занесло и что он должен делать. Августу показалось, что зрители даже дышать перестали, боясь спугнуть то чудо, которое сейчас начало зарождаться у них на глазах.

Первые аккорды были осторожными — Штольц будто бы прокладывал путь в ту страну, которую видел он один, и боялся сделать неверный шаг. Но постепенно мелодия, такая робкая, воздушная и трепетная сначала, наполнялась силой и властью, обретая насыщенное и густое звучание. Если сперва это была мартовская капель, то вскоре она стала грохотом водопада — она обняла и повела туда, где каждый человек был счастливым и хорошим, в солнечный день, в юность, к любви и свету.

Не было ни зала, ни людей, ни рояля, не было даже Штольца, который играл с закрытыми глазами, погрузившись в некое подобие транса, — была только музыка и слушатель, и музыка заняла собой весь мир. Не осталось ни печали, ни горя — ничего, кроме музыки и слабого, растерянного человека, которого она поднимала до недостижимой, почти божественной высоты.

Август неожиданно понял, что плачет. Он запрокинул голову, закрыл глаза ладонью — на мгновение ему сделалось невыносимо стыдно от того, что кто-то увидит его слезы. Он вдруг сделался одновременно несчастным и счастливым, потому что музыка открыла все раны его души, вычистила скопившийся яд и исцелила их.

Ноктюрн закончился, но рояль еще звучал последними отголосками нот, и слушатели в зале не могли пошевелиться. Потом кто-то на галерке вскочил и заорал во все горло слезливым срывающимся голосом:

— Bravo! Bravo! — и зал накрыло волной аплодисментов. Август поднялся вместе с остальными — все были взволнованы, никто не мог усидеть на месте. Штолец встал из-за рояля, шагнул к зрителям, поклонился, махнув растрепанной копной волос, и улыбнулся какой-то растерянной, почти детской улыбкой. Какая-то девица уже бросилась к нему, заливаясь слезами, — полицейские, которых бургомистр благоразумно расставил по залу как раз для такого случая, не успели ее придержать, и девица на радостях едва не снесла Штольца своим букетом.

Август опустился в кресло, не чувствуя ног. Неудивительно, что Штольца обожал весь мир, государи жаловали титулы, а дочери семейств бросали дома и ездили за своим кумиром на гастроли. Эта музыка брала в плен, овладевала душой и телом, эта музыка звучала из самых потаенных глубин, делая человека настолько открытым, что становилось страшно.

Это было сильнее магии и любви. Август провел ладонями по лицу, пытаясь опомниться. Надо было взять себя в руки, он, в конце концов, не курсистка, которая бросает звезде панталончики. Второй ноктюрн Август слушал уже спокойнее — легкая и грустная мелодия была посвящена принцессе Кэтрин, об этом соседка Августа шепнула своей приятельнице, осторожно промакивая глаза кружевным платочком.

«Прекрасный способ остаться в веках, — подумал Август. — Главное, чтоб тебя полюбил гений. Потому что создавать такое без любви — нет, невозможно».

Без любви можно только уничтожить. Те, кто когда-то бросил Августа и его товарищей в горнило мятежа, прекрасно это понимали. Жаль, что сам Август осознал это гораздо позже, когда лежал в госпитале, изувеченный проходом сквозь строй, тихонько выл от боли, пожиравшей его тело, и не понимал, что еще держит его в этом мире.

Возможно, это была музыка, которой только предстояло зазвучать. Возможно, Август выжил для того, чтоб однажды услышать игру Эрика Штольца.

* * *

Концерт закончился через полтора часа, и еще час Штольц раздавал автографы восторженным поклонницам. Проходя мимо девичьей толпы, окружившей Штольца облаком цветов, духов и любви, граничившей с безумием, Август услышал:

— Эрик, а у вас есть невеста?

До Августа донесся мягкий смех.

— Нет. У меня есть только музыка, это главная моя любовь.

Август только хмыкнул. Ну конечно. Самые лучшие девушки Хаомы вешаются на шею, а он выбирает только музыку. Врал бы поизящнее, что ли, раз уж взялся врать.

Большой ужин в честь высокого гостя в доме бургомистра начали ровно в девять вечера. Говард превзошел самого себя — усаживаясь за стол, Август поразился количеству блюд. Рыба, мясо, свежие фрукты, которые зимой на севере стоили целое состояние, лучшие вина — бургомистр выставил все, что в изобилии скрывали его погреба. Когда они входили в большую столовую, то Говард придержал Августа за локоть и негромко произнес:

— Я нашего гостя посажу между тобой и собой. А то боюсь, девки мои его живым не выпустят. Очень уж решительно настроены, даже страшно.

Август понимающе кивнул. Судя по румянцу и горящим глазам, прекрасные девы были готовы на все. Пожалуй, их подруги, которым не повезло

ужинать с великим музыкантом, сейчас умирают от зависти.

И теперь Штольц сидел рядом с Августом, задумчиво крутил серебряную вилку в изящных длинных пальцах и смотрел по сторонам с таким смущенным видом, словно не понимал, как попал на ужин в свою честь, когда только что был в стране своей музыки. Сейчас, когда Штольц был совсем близко, Август видел, что молодой композитор очень хорош собой. Мягкие черты лица, задумчивые карие глаза, тонкий нос с небольшой горбинкой, светлая кожа — Штольц был похож на ангела, какими их рисуют современные подражатели классическим художникам. Дочери Говарда, которых предусмотрительно усадили почти в конце стола, смотрели на Штольца так, словно он был шоколадным тортом.

«Не повезло тебе, парень», — подумал Август, заметив на указательном пальце музыканта тонкое золотое кольцо с маленьким виноградным листком. Виноград был одним из символов королевского дома, и кольцо, должно быть, подарила принцесса Кэтрин, прощаясь с возлюбленным. Интересно, играют ли ей дворцовые музыканты тот грустный ноктюрн? Вспоминает ли она о своей любви или уже утешилась? Наверно, утешилась — в юности любовь долго не живет. Штольц поймал взгляд Августа, доброжелательно улыбнулся, и Августу отчего-то сделалось не по себе, словно музыкант невзначай прикоснулся к нему там, где не имел права касаться.

— Друзья! — Говард поднялся с бокалом из-за стола; стол едва заметно качнулся — гости вовремя успели подхватить свои бокалы и не расплескать вино. — Сегодня у нас праздник. В Эверфорт приехал великий человек, и то, что все мы будем жить с ним вот так, запросто, по соседству — это великая честь. Господин Штольц, — Говард посмотрел на Штольца со смущенной улыбкой и продолжал: — Тут у нас, на севере, народ простой. Если нам что-то нравится, то мы так и говорим, без особенных словес: нам нравится. Ну и если не нравится, тоже говорим как есть, не чинясь. Так вот, мы все вам очень рады. А концерт сегодня... — Говард замялся, подбирая слова. Август знал, что бургомистр готовил речь, но, видно, теперь вся она вылетела у него из головы от волнения. — Ну это что-то потрясающее. Я плакал от счастья, честное слово. Вы всех нас будто в Господни сады подняли.

Кто-то из собравшихся шмыгнул носом от высоких чувств. Август видел, что вся знать Эверфорта растрогана до глубины души. Штольц опустил глаза к тарелке, на его щеках появился румянец. Август заметил на щеке музыканта тонкую припудренную царапину — должно быть, порезался, когда брился.

— Спасибо вам, — сказал он. Голос был мягким, каким-то очень бархатным, ласкающим. Неудивительно, что девушки теряют голову, когда Штольц говорит с ними. — Я действительно тронут, спасибо. Надеюсь, Эверфорт станет для меня настоящим домом.

Жители города не любили долго болтать, когда на тарелках стынет мясо, и начался ужин. Застучали ножи, в бокалы полилось вино. Август резал стейк на полоски и чувствовал, что ему не по себе. Он сам не знал почему — душа была не на месте, что ли.

Да и была ли у него душа? Все эти годы Август был уверен, что душу у него выбили шпицрутенами, таща сквозь строй — а Штольц взял и достал ее своей музыкой, словно жемчужину из раковины, и открыл во всей красоте так, что Август до сих пор не мог опомниться.

Это было непривычным и потому неправильным.

— Почему именно Эверфорт? — поинтересовался Август, когда Штольц обернулся к нему и с мягкой, чуть смущенной улыбкой попросил передать перец. Музыкант пожал плечами.

— А почему бы и нет? — ответил он вопросом на вопрос.

— У вас большой выбор, — сказал Август отчего-то резче, чем собирался. — Это я вынужден тут сидеть и не копошиться, а перед вами лежит весь белый свет. Август Вернон, здешний анатом. К вашим услугам.

Штольц рассмеялся, и на щеках у него проявились ямочки — мягкие, почти женские. Августа что-то ощутимо кольнуло под ребро.

— Надеюсь, что мне не понадобятся ваши услуги, — сказал Штольц. — Ну а что до вашего вопроса, то меня всегда вдохновлял север. Наконец-то я смог приехать сюда и буду рабо-

тать. Согласитесь, здесь очень красиво. Гораздо красивее, чем на юге.

Август понимающе кивнул и опрокинул стопку перцовки. Дьявольщина, да что с ним такое!

Он вдруг обнаружил, что сказал:

— Нет, я терпеть не могу такую музыку.

За столом сразу сделалось как-то очень тихо. Среди высшего общества Эверфорта Август вполне предсказуемо имел репутацию язвительного вольнодумца и говорил все, что было у него на уме: дальше ссылать уже некуда, а единственного анатома на весь регион, который знает свое дело, надо ценить, холить и лелеять. Но вот чтобы так открыто хамить дорогому гостю — такого не ожидали даже от него. Августу показалось, что от удивления люди сделались даже ниже ростом.

Но Штольц только улыбнулся, сразу же сделавшись очень юным и беззащитным, и поинтересовался:

— А почему?

— Дружище, ты бы это... — сказал Говард и замахал рукой слуге, тот сразу же поскакал в сторону Августа с бутылкой хорошего вина, чтоб понадежнее закрыть несносному грубияну рот. — Вот, винца выпей да закуси как следует, чего бог послал. Эрик, вы не обращайтесь внимания, Август у нас человек хороший, душевный, но иногда такое ляпнет, хоть святых выноси. Мы-то уже привыкли, что у него натура такова, ничего не поделаешь. Не со зла же.

И он выразительно посмотрел на Августа — так, словно хотел покрутить пальцем у виска

и искренне поражался такой неслыханной грубости.

— Нет-нет, — улыбка Штольца сделалась еще шире, и он произнес: — Моя музыка и не обязана вам нравиться, Август. Мне просто любопытно.

Август откинулся на спинку стула и промолвил, хмуро чертя вилкой по тарелке среди кусочков стейка:

— Я от нее мягким делаюсь. Мягким, слабым, как устрица без ракушки. Словно вы сняли с меня мое жалкое тряпье и поставили на площади. И я стою, и есть только я и ваша музыка. И не знаю, что будет дальше, и будет ли вообще. Вы обнажили мою душу, а что с ней делать потом, я уже не знаю. И никто не знает.

За столом было тихо-тихо. Потом жена полицмейстера сказала:

— Я-то думала, Август, вы обидеть хотели. А вы похвалили, да еще и как похвалили.

Август мрачно посмотрел в ее сторону и ничего не ответил. Штолец дотронулся до его запястья, и от этого прикосновения у Августа что-то сжалось в животе.

— Вы все правильно поняли, доктор Вернон, — искренне произнес Штолец. — Именно этого я и добивался. Именно об этом и есть моя музыка.

Он помедлил и добавил:

— Спасибо вам.

Август упрямо покосился на него и промолчал. Говард понял, что скандала, слава богу, не случилось, и энергично замахал слугам. Принесли пе-

ремену блюд, в бокалах бойко и весело зашипело золотое южное вино, зал наполнился разговорами, и застолье потекло по своему привычному руслу: беседы, хмель, звон бокалов и рюмок.

Под сердцем по-прежнему возилась невидимая игла, колола, дергала.

Август не знал, откуда она там взялась.

* * *

Они встретились на следующий день. После торжественного ужина Август вышел на спящую ночную улицу, постоял под фонарем, чувствуя, как на лицо оседают снежинки, и, подумав, отправился в «Зеленый огонек». Тянущее чувство, которое зародилось в груди, следовало вытряхнуть — а умелые руки и гибкие тела продажных красавиц помогли в таком случае лучше всего.

Август провел ночь с Присциллой, самой красивой и популярной работницей в заведении госпожи Аверн, заснул под утро в ее объятиях и, проснувшись, обнаружил, что к нему вернулось привычное язвительное расположение духа и свежесть ума. Он снова был собой, музыка Эрика Штольца больше не имела над ним власти.

— Я тебя видела вчера на концерте, — мурлыкнула Присцилла, томно потягиваясь среди скомканных простыней и глядя, как Август отсчитывает купюры на прикроватный столик. — Штолец прекрасен, правда? Мы все плакали.

— Ты не в том месте открываешь рот, — сообщил Август намного злее, чем собирался.

Присцилла ему нравилась, и он не хотел ей хамить — но вот так получилось, он и сам не понял почему. Но Присцилла перевернулась на живот и посмотрела на него с многообещающей улыбкой.

— Я просто шлюха, Август, — сказала она без следа обиды. — Где скажешь, там и открою.

Пришлось задержаться еще на полчаса и пятнадцать карун, но общение с Присциллой того стоило.

Зимнее утро было свежим, ярким и морозным. Солнечный свет рассыпал бриллиантовые искры по заснеженным крышам домов, воздух пах глинтвейном и свежей выпечкой из соседней пекарни, и Август решил не искать экипаж, а прогуляться до анатомического театра пешком. Торопиться было некуда — в Эверфорте никто не умер, вскрывать было некого, и Август надеялся, что никакой особенной работы у него сегодня не будет.

Он увидел Штольца выходящим из книжного магазина и пожалел, что ему уже некуда свернуть. Август добился нервного равновесия, это обошлось в двести карун за ночь, но сейчас он чувствовал, как все его спокойствие утекает куда-то прочь, уступая место тянущему ощущению за грудиной.

— Здравствуйте, Август! — улыбнулся Штолец так, словно Август был его лучшим другом, которого невероятно радостно встретить. Он был таким же, как и вчера: добродушным, легким, таким, словно земное притяжение на него не действует.

И держался так же, как и вчера, — спокойно и дружелюбно. «Конечно, ему ведь надо завести друзей на новом месте», — подумал Август и ответил:

— Здравствуйте, Эрик. Ранняя вы птаха, как я погляжу.

Штольц кивнул, и они неторопливо побрели в сторону площади святого Никоса. Темная громада собора сейчас казалась невесомой, почти парящей в морозном воздухе, и в распахнутые настежь двери было видно россыпь огоньков над кандилом. Штольц снял дом на Малой Лесной улице — четверть часа спокойной ходьбы от площади. Августу вдруг захотелось вернуться в «Зеленый огонек», в горячие объятия Присциллы или какой-то из ее товарок, а может, засесть в ближайшем кабачке и напиться до изумления.

Он не знал, что с ним происходит. Это было хуже всего.

— Утром мне лучше работается, — сообщил Штольц. В пакете, который он держал в руках, Август заметил стопку бумаги. — И этот снег, мороз... Вдохновляет!

— Все, как вы ожидали? — спросил Август. Штольц кивнул, и на его губах появилась смущенная, почти девичья улыбка.

— Да. Так, словно север создали по моему заказу. Так, как я и мечтал.

— Достаточно творческая точка зрения. И романтическая, — усмехнулся Август. Две девицы в шубках и теплых клетчатых юбках, шагавшие по другой стороне улицы, узнали Штольца и замерли, как зачарованные, глядя ему вслед с та-

ким глубоким, почти религиозным восторгом, что становилось не по себе. «Явно хорошо воспитаны, — подумал Август. — Медведицы Говарда бросились бы на шею».

Некоторое время они шли молча, а затем Август все-таки не вытерпел и достаточно бесцеремонно поинтересовался:

— Так что же все-таки случилось с вашей сестрой?

Штольц посмотрел на него так, словно Август его ударил. На мгновение ему сделалось стыдно — словно он обидел ребенка, жестоко посмеявшись над тем, что было для него важно.

— А, вы знаете, — вздохнул Штольц, и его лицо на мгновение сделалось усталым и постаревшим. Август кивнул.

— Профессиональный интерес, видите ли. «Ежедневное зеркало» писало об этом, и мне стало любопытно, что же творится в голове у девушки, когда она рубит родителей на части.

Штольц нахмурился, как-то сразу же став похожим на тень самого себя. Август понял, что причинил ему сильную боль, и вдруг ему стало хорошо — так, будто он поступил очень правильно.

— Я ее почти не знал, — негромко ответил Штольц, не глядя в сторону Августа. В голосе появились жесткие неприятные нотки. — Мы воспитывались раздельно, я много лет провел в монастыре. Так что я не могу сказать, что творилось у нее в голове.

— Как это вас занесло в монастырь? — удивился Август. Гениальный композитор был не так-

то прост. Август чувствовал, что в его прошлом скрывается много темных тайн, и им вдруг овладело жгучее желание разгадать их.

— Сначала я был болен, — уклончиво ответил Штольц. — Потом изучал церковную музыку и писал свою. Потом вернулся, начал выступать с концертами. Сказать по правде, я почти не знал свою сестру.

Август усмехнулся.

— Как-то скучно в вашей семье с именами, честно говоря, — заметил он. Ему все больше и больше хотелось хамить, он и сам не мог понять, отчего. Что-то постоянно подзуживало его. Но Штольц лишь пожал плечами.

— Мы близнецы, — ответил он. — Только и всего. Близнецов часто так называют.

Они перешли к парку и побрели вдоль черной решетки ограды. Деревья, надевшие пушистые снежные шапки, казались призраками. Все было каким-то ненастоящим, сказочным, словно музыка Штольца вчера в самом деле открыла двери в какую-то другую, таинственную страну и затянула туда весь Эверфорт.

— Она ведь тоже музицировала? — полюбопытствовал Август. — В газетах писали об этом.

— Да, ее импровизации были хороши, — ответил Штольц. — Всех детей учат музыке в детстве. Вас наверняка учили.

— Учили, — кивнул Август. — Но я уже все забыл.

От музыки у него остались лишь воспоминания о классе, залитом солнечным светом, и стро-

гой наставнице с высокой напудренной прической, которая недовольно поджимала губы и с оттяжкой ударила Августа линейкой по пальцам, когда он ошибался. Полюбить музыку в таких условиях означало быть мазохистом.

— Родители не хотели, чтобы Эрика играла, — сказал Штольц. — Девушке надо выходить замуж, а не тратить время на пустяки. Сейчас я бы велел им оставить ее в покое и дать играть.

— Но тогда?..

— Тогда я был с Кэт, — признался Штольц и едва заметно улыбнулся, словно воспоминание о принцессе согрело его. — Ее высочеством Кэтрин. И мне ни до чего не было дела.

Август понимающе кивнул. У Штольца был в разгаре роман с принцессой, и он не видел ничего, кроме любимой девушки и своей музыки. А его сестра в итоге не вытерпела постоянных нравоучений и избавилась от надоедливых родителей.

Он вдруг заметил, что Штольц еле идет. Из него словно вынули стержень, который поддерживал и не давал упасть.

— Где вы были, когда все случилось? — спросил Август, невольно задавшись вопросом, почему Штольц вообще продолжает с ним говорить. За время их прогулки Август успел наговорить столько вещей, что заслужил вызов на дуэль или хороший удар по физиономии. Однако же Штольц отвечал на его вопросы и не говорил, что господин анатом сует нос не в свое дело.

Странный. Должно быть, ему действительно важна только музыка, а не все копошения в земной грязи.

— С Кэт, конечно, — улыбнулся Штольц. — Я обо всем узнал только утром. Потом был скандал, пресса на меня бросалась. Преступление обсасывали в газетах, я избегал их... — он дотронулся до лица, словно хотел закрыться от Августа, и опустил руку. — Вы спросили, что случилось с Эрикой, так вот, она умерла. Ее больше нет. Труп выловили рыбаки в Среднеземельном море, я сам опознал ее.

Они вышли на Малую Лесную и остановились возле изящного, недавно отреставрированного особняка, который Штольц снял неделю назад через посредника. Дом был очень старым, еще прошлого века, и Август готов был поклясться, что там обитают привидения. Впрочем, музыка Штольца наверняка прогонит их.

Августу вдруг стало стыдно. Он редко испытывал стыд, но сейчас его по-настоящему обожгло.

— Должно быть, вы тяжело переживали ее смерть, — произнес он. Штольц кивнул.

— У близнецов особенная связь. Я почувствовал, когда она разрушилась, — ответил он и дотронулся до груди. — Что-то словно лопнуло вот здесь. Так что Эрики больше нет, можете поверить моим глазам и рукам. Я утолил ваше любопытство, доктор Вернон?

Август кивнул.

— Простите меня, Эрик, — искренне сказал он. — Я, конечно, та еще дрянь, но сейчас мне

действительно стыдно. Я залез туда, куда не имел права лезть.

Штольц посмотрел ему в лицо, и Август неожиданно замер, словно его снова вытянули спицрутеном по голой спине — настолько тяжелым и пронизывающим был этот взгляд. Сейчас карие глаза музыканта смотрели в душу Августа, в те запечатанные памятью глубины, куда не заглядывал он сам.

Это было смертной мукой. И в то же время — очищением и освобождением. Это было больно и сладко.

— Вы не дрянь, — негромко произнес Штольц. — Вы просто стараетесь быть дрянью, чтоб никто не понял, насколько вам больно. Насколько тяжко ваше увечье и как мучительно болит спина в дождь и метель. А в душе еще больнее. Но вы не дрянь и не циник, Август. Это не так.

Некоторое время они молчали. В голове Августа царил вязкая пустота, и он барахтался в ней, словно муха, которая угодила в янтарную смолу.

— Вы маг? — спросил Август, когда к нему наконец-то вернулся дар речи. — Умеете читать мысли?

Штольц улыбнулся и наконец-то отвел глаза. Август невольно вздохнул с облегчением. К нему вернулись чувства: он услышал, как похрустывает снег под ногами письмоноши на другой стороне улицы, как в морозном воздухе плывет запах апельсиновой туалетной воды от щегольского пальто Штольца, как где-то за домами счастливо вопит ребяшня, скатываясь с горки.

Чары ушли. Он ожил.

— Нет, я не маг, — ответил Штольц. — Я просто умею наводить справки о людях. Доктор Август Вернон, участник мятежа в Левенфосском порту, единственный, кто выжил после наказания шпицрутенами. Вечная ссылка на север без права помилования и обжалования. — Он сделал паузу и добавил: — Извините, что не приглашаю, хотел до обеда плотно поработать.

Август смог лишь кивнуть.

— Еще раз простите меня, Эрик, — сказал он. — Вы правы, мне следует вести себя иначе.

Штольц вновь одарил Августа мягкой улыбкой и дружески дотронулся до его локтя, словно желал подбодрить.

— Ведите себя так, как вам удобно, это будет правильным. Если при этом не забудете о других, то так будет еще лучше.

— Постараюсь, — вздохнул Август и совершенно неожиданно для себя предложил: — Если хотите, приходите сегодня вечером в «Пафнутий». Угощу вас глинтвейном.

Штольц кивнул.

— «Пафнутий». Хорошо. Давайте в восемь, я как раз закончу работу.

Через четверть часа, когда Август уже подходил к анатомическому театру, ему вдруг стало ясно, на что похоже то неловкое и болезненное чувство, которое пронзало его при появлении Штольца. Он вошел в просторный, слабо освещенный холл анатомического театра и, сняв

шляпу, запустил руку в волосы и дернул несколько раз, пытаясь опомниться.

— Нет, — сказал Август и, закрыв глаза, какое-то время стоял просто так. — Нет, это невозможно.

Со второго этажа свесилась растрепанная голова Атанатиуса, одного из трех санитаров.

— Доктор Вернон! — окликнул он. — Работы нету, может, мы по домам двинем?

Август неожиданно ощутил такой прилив злости, что потемнело в глазах.

— Я тебе сейчас в рожу двину, пьянь! — заорал он и начал подниматься по лестнице, намереваясь воплотить угрозу в жизнь. Санитар бросился прочь по коридору, только пятки засверкали. — Вторая лаборантская для кого который месяц неразобранная стоит?

* * *

— Чем он был болен, что лечился в монастыре? — спросил полковник Геварра, надевая тонкие белые перчатки. Лучи рассветного солнца весело играли на кокарде его фуражки. — Скорее всего, одержимость. Как правило, одержимые маги не могут контролировать магию: с ней справляются только святые стены. Так что родители отправили его с глаз долой и думать забыли.

Где-то слева тоскливо заныла флейта, оплакивая участь Августа и его товарищей. Барабанщики вскинули палочки. Солдаты, к ружьям которых Августа привязали за руки, готовы были сделать первый шаг.

Сонное утро было красивым. Ветер ласково гладил кожу. В такое утро просто обидно умирать.

— Что, сволочь каторжная? — ухмыльнулся Геварра. Половина его лица сгнила и потемнела — полковник умер восемь месяцев назад и теперь почему-то решил заявиться в сон Августа. Визг флейты поднялся до немыслимых высот. — На священные основы государства покусился?

Август сплюнул себе под ноги, в истоптанный грязный песок, и ответил:

— Да шел бы ты на хрен, псина.

Первый удар обжег спину, взорвался болью по всему позвоночнику, и Августа дернули вперед. Он стиснул зубы и пошел за солдатами.

Вдалеке тоскливо заскулили флейты.

— Доктор Вернон, а доктор Вернон?

Август открыл глаза. От сна в неудобной позе все тело затекло — он уснул, уткнувшись лицом в анатомический справочник. Зачем его открыл — уже не вспомнить. Атанатиус, стоявший в дверях кабинета, смотрел с хмурой обидой: дескать, нам работы задал выше неба, а сам дрыхнет тут, дома ему не спится, как всем нормальным людям.

За окнами серели сумерки. День прошел, а Август не заметил.

— Мы все разобрали, — сообщил Атанатиус и, не обинуясь, поскреб задницу пятерней. — Теперь-то можно домой?

— Вали, — проронил Август и, потянувшись, принялся массировать шею с болезненной гри-

масой. — Давно бы так, а то без пинка не пошевелитесь. Как дети малые, честное слово.

— Ага, — буркнул Атанатиус и убрался прочь. Из коридора слышались шаги и бормотание: Августу желали всего наилучшего, в частности, провалиться под лед, а потом потеряться в лесу с медведями.

Народная фантазия не имела границ.

Август вышел из-за стола, подошел к окну. Эверфорт кутался в сумерки, словно в теплое одеяло. Фонарщики уже зажигали огни, по улице шли гуляющие, вдали проехал экипаж Говарда — бургомистр закончил работу и отправился к кому-то из приятелей. Август подумал, что в «Пафнутии» уже собирается народ — тот, который потом отправится в «Зеленый огонек», если жены по пути не перехватят. Все было как всегда, в этом захолустье ничего не меняется и никогда не изменится.

Это было настолько тоскливо, что Августу в очередной раз захотелось напиться — так, чтобы на ногах не стоять и чтобы Атанатиус с товарищами нес его в экипаж до дома, а сам приговаривал: вот, доктор-то, гоняет нашего брата, а сам нажрался как свинья. Начальству-то все можно. А товарищи степенно отвечали бы: сам ты свинья, ничего не понимаешь, только хрюкаешь, а доктор за народное счастье кровь проливал, теперь имеет право хоть все Ледовитое море выпить, а от нас ему только уважение. А Август бы орал во всю глотку, что кругом сволочи и непромытые селюки, хоть бы кто стакан поднес от своего уважения.

Август отошел от окна и, прищурившись, посмотрел на часы. Четверть пятого. Если к пяти он доберется до «Пафнутия», то к восьми, когда там появится Штольц, уже дойдет до той кондиции, в которой на него не подействует никакая магия — даже та, которая наполняет музыку Штольца и весь мир, когда он рядом.

Мертвая сволочь Геварра был прав. Священники в монастырях отчитывают сумасшедших — это единственная болезнь, которую лечат в святых стенах уже много веков. Якобы магия слова божьего способна обуздать безумие — Август, конечно, в это не верил, но душевнобольных до сих пор привозили в монастыри и оставляли на попечение святых отцов. Юный Штольц был магом, не способным контролировать свое безумие, медицина оказалась бессильна, но в монастыре с ним все-таки сумели справиться. И безумие вылилось в музыку — великую, непостижимую, могущественную. Музыку, которая бросила под ноги Штольца весь мир.

Вздыхнув, Август стал одеваться.

Несмотря на раннее время, в кабаке уже было полно народу, дым от сигар и трубок стелился по заведению сизыми тяжелыми полотнами, а официантки сбились с ног, разнося тяжеленные кружки темного пива и немудреную, но очень сытную закуску. Август поздоровался с хозяином заведения и прошел в малый зал, для особых гостей. Здесь было не так накурено, и занят лишь один столик: главный редактор единственной местной газеты, Берг Авьяна, дремал над стопкой

сливовицы и мясным рагу. Судя по цвету редакторского лица, это была уже десятая стопка.

За окнами было уже совсем темно. Вот и еще один день, и завтра будет то же самое, и скука, которая обнимает Эверфорт, никогда не развеется. В семействах будут подрастать дочери и сыночки, похожие на медведей, люди станут напиваться на их свадьбах, а потом на детских именинах, и всем им будет невыразимо скучно жить. Август сунул руку в карман, вынул серебряную каруну и подумал, что готов поставить ее на то, что через год Штольц уедет отсюда — или сопьется. Сова на аверсе подмигнула ему: сопьется, это точно. Никаких сомнений. Особенно если вы с ним станете přátельствовать.

От этой мысли Августу снова сделалось не по себе.

Официантка принесла кружку пива и стопку водки: в «Пафнутии» знали привычки Августа. Он попросил газету, и в этот миг в большом зале заорали, затопали, захлопали в ладоши. Август покосился на часы — четверть шестого. Штольц решил прийти пораньше. Только его могли приветствовать настолько энергично.

Это действительно оказался Штольц. Хозяин кабака провел его в малый зал, чуть ли не в ноги кланяясь от такой великой чести. Официантки, которые тотчас же поволокли пиво и поднос с вепревым коленом, только с огня, будто бы невзначай поводили плечами, демонстрируя внушительную грудь в тугом белом плену рубашек. Известное дело, знаменитость! Как

влюбится! Да как потом увезет в столицу! Выкусите, куры!

— Вы рано, — заметил Август, вдруг поймав себя на том, что в груди сделалось тепло. Штольц лишь рукой махнул — сев за стол, он придвинул к себе кружку и ответил:

— Сделал все, что запланировал, решил не сидеть дома в одиночку. Что это, свинина?

— Свинина, — кивнул Август и отрезал себе знатный ломоть смуглой рульки. — Только не говорите, что вы вегетарианец.

Штольц удивленно посмотрел в его сторону, будто Август сморозил невероятную глупость.

— Вегетарианец? Нет! С чего бы это вдруг?

— Это очень модно в высшем свете, — ответил Август. — Полковник Геварра, один мой знакомый, был вегетарианцем. С тех пор я их на дух не переношу. Как вижу вегетарианца, так начинается аллергия.

Штольц рассмеялся.

— О, Геварра! — воскликнул он. — Знаете, как о нем говорят? Ему не нужно мясо ягненка, ему вполне хватает человеческой крови. Старинный приятель моего отца. — Он сделал глоток пива и продолжил: — Эрику хотели отдать за него за муж.

Как тесен мир! Август ухмыльнулся. Не повезло бы Эрике, мягко скажем. Тиран и садист в качестве мужа — невелико счастье. Особенно такой тупой тиран и садист, как Геварра.

— Тогда у нее была бы другая музыка, — заметил Август. — Флейты и барабаны на плацу.

— Тогда она навсегда забыла бы о музыке, — холодно поправил его Штольц. — Насколько я знаю, первая жена Геварры снимала с него сапоги, собственноручно стирала белье и поднималась в пять утра, чтоб подать кофе в постель. Если не успевала, то кофейник и чашка летели ей в голову. Девушка из благородной семьи, которой отвели роль черной рабыни с юга. Будет тут время для музыки, как считаете?

А Эрика хотела импровизировать на рояле, а не разувать истязателя и не уворачиваться от потока горячего кофе в лицо. Вряд ли он забыл бы в супружеской спальне о своей любви к плетям, вряд ли красота, невинность и талант юной жены тронули бы его душу. Эрика сопротивлялась — но родители приказывали ей смириться, забыть про музыку и быть послушной дочерью и хорошей женой. Кажется, Август стал понимать, что было у нее в сердце, когда она взялась за нож.

— Когда меня вели сквозь строй, — задумчиво сказал Август, проводя пальцем по краю стакана, — Геварра шел рядом и смотрел, чтоб солдатики били в полную силу. Не дай бог было ударить не так сильно, как он хотел! И вот Геварра шел и приговаривал: «Что, сукин сын, против государя пошел?»

Штольц нахмурился. В его взгляде теперь было сочувствие и искреннее тепло.

— А вы? — спросил он. Август усмехнулся.

— А я ему: «Да шел бы ты на хрен, псина!» — ответил он и расхохотался. — Так и шагали па-

рочкой, жаль, что не под ручку. Так я ему и отвечал, пока еще был способен отвечать. А потом меня просто тащили, а он так и шел. И глаз оторвать не мог, мне потом рассказывали.

Ему вдруг сделалось спокойно и тепло, словно чья-то невидимая рука вытащила занозу из загноившейся раны. Август откинулся на спинку стула и признался:

— Вы мне нравитесь, Эрик. Вот честное слово, нравитесь. Думал ли я, что с кем-то буду говорить про Геварру!

В карих глазах музыканта появились золотистые искры — мелькнули и исчезли. Вряд ли Штольц испытывал какие-то теплые чувства к несостоявшемуся мужу своей несчастной сестры. Он поднял стопку перцовки и произнес:

— Тогда за Геварру, земля ему терновником!

Август вздохнул и едва слышно откликнулся:

— За Геварру.

Но выпить они не успели. Откуда-то с улицы донесся истошный женский визг, и почти сразу же к нему добавился истерический мужской вопль:

— Полиция! Полиция!

— На помощь! Убивают! Батюшки, Господи, что ж это делается-то! — заголосила вторая баба. Август быстро поднялся из-за стола и, накинув пальто, сказал, обернувшись к Штольцу:

— Эрик, вам лучше остаться здесь.

Он почему-то был уверен, что на улице свежий труп — а раз так, то Штольцу лучше на него не смотреть и не лишаться чувств. У него слиш-